

Синдром неопита: проблема религиозного диалога внутри старообрядчества

Александра А. Бойцова

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия,
Музеи Московского Кремля, Москва, Россия,
alexkopchonyu@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается проблема принятия прозелитов («неопитов») и их роль в современном старообрядчестве. Отношения между «потомственными» и вновь пришедшими членами общины не всегда однозначны в старообрядческой среде, и кого можно обозначить термином «неопит», является весьма спорным вопросом. Само лексическое значение этого слова претерпело среди последователей старой веры некоторые метаморфозы и наделено отрицательными коннотациями. Исследование базировалось на опросе информантов, проживающих в разных регионах и принадлежащих к разным согласиям, также использовался метод включенного наблюдения и литературные источники. Автор анализирует разные типы старообрядческих прозелитов, опираясь на классификацию Е.Е. Дутчак. Наряду с этим рассматриваются причины смены конфессии и выбора в пользу старообрядчества, для чего была задействована «новая теория» в рамках рыночной концепции религии.

Ключевые слова: современное старообрядчество, неопиты, старообрядческие прозелиты, рыночная концепция религии, саморепрезентация старообрядцев, пострелигия

Для цитирования: Бойцова А.А. Синдром неопита: проблема религиозного диалога внутри старообрядчества // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2024. № 4. С. 144–154. DOI: 10.28995/2658-4158-2024-4-144-154

Neophyte syndrome: the problem of religious dialogue within the Old Believers

Aleksandra A. Boitsova,

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia,
Moscow Kremlin Museums, Moscow, Russia,
alexkopchonyy@gmail.com*

Abstract. This article examines the problem of accepting proselytes (“neophytes”) and their role in the modern Old Believers. The relationship between “hereditary” and newly arrived members of the community is not always clear in the Old Believer environment, and who can be designated by the term “neophyte” is a very controversial issue. The lexical meaning of this word has undergone some metamorphoses among the followers of the old faith and is endowed with negative connotations. The study was based on a survey of informants living in different regions and belonging to different denominations; the method of participant observation and literary sources was also used. The author analyzes different types of Old Believer proselytes, based on the classification of E. E. Dutchak. Along with this, the reasons for changing the confession and choosing in favor of the Old Believers are considered, for which a “new theory” was used within the framework of the market concept of religion.

Keywords: modern Old Believers, neophytes, Old Believers proselytes, market concept of religion, self-representation of Old Believers, post-religion

For citation: Boitsova, A.A. (2024), “Neophyte syndrome: the problem of religious dialogue within the Old Believers”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 4, pp. 144–154, DOI: 10.28995/2658-4158-2024-4-144-154

Проблематика религиозного неофитства малоизучена российскими учеными, большая часть исследований посвящена радикальным исламистам, и рассматриваются они сквозь призму юридических наук¹. Старообрядческим неофитам в научном плане уделяется меньше внимания, пожалуй, единственными работами,

¹ См.: Двудличанский А.В. Личность неофитов как потенциальных участников террористической деятельности: криминологический аспект // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 4. С. 112–117; Сиражудинова С.В. Неофиты в структуре радикального ислама // Информационные войны. 2015. № 4. С. 94–99.

затрагивающими данную тему, являются статья Е.Е. Дутчак² и монография К.М. Товбина³. Авторы рассматривают проблему в разных аспектах: Дутчак применяет социально-антропологический подход, Товбин анализирует феномен старообрядческого неопитства с философско-культурологических позиций.

В данной статье одной из основных задач являлось рассмотреть, как представлены новокрещенные, какую роль они выполняют и какую нишу занимают в старообрядческом сообществе. Целью автора было узнать, насколько применима категория неопитства и кто именно под нее подпадает, а также проанализировать, по каким причинам делается выбор в пользу старообрядчества. В ходе исследования были опрошены 8 информантов (6 из которых пришли к вере в результате сознательного выбора, а 2 – являются потомственными старообрядцами), имена и фамилии которых по этическим соображениям мы раскрывать не будем. Также в качестве источников информации использовались открытые публичные страницы в социальных сетях, старообрядческие интернет-форумы и историко-публицистическая литература.

Кого считать неопитом в старообрядчестве – дискуссионный вопрос внутри самого сообщества. В общепринятом употреблении термин «неопит» имеет лексическое значение «новый последователь или сторонник какой-нибудь религии, учения»⁴. «Прозелит» – новообращенный в какую-либо веру, принявший новые убеждения⁵. Тем не менее в старообрядческой среде слово «неопит» может часто приобретать отрицательные коннотации. Как правило, это еще неопытный, но уже диктующий свои правила, чересчур ревностный последователь старообрядчества.

В своем исследовании Е. Е. Дутчак, ссылаясь на концепцию референтных групп, условно делит неопитов на три группы: 1) «*квазинеопиты*» (выходцы из старообрядческих семей, воспринимающие религию как рутину и не осмысляющие ее критически); 2) «*потенциальные неопиты*» (потомки старообрядцев,

² Дутчак Е.Е. Неопит в пространстве традиционалистской культуры (к вопросу об использовании теории референтных групп в исследованиях локальных конфессиональных сообществ). URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000328756> (дата обращения 1 мая 2024).

³ Товбин К.М. Пострелигия и ее становление в русском старообрядчестве. М.: Этносоциум, 2014. 478 с.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 60 000 слов и фразеологических выражений. М., 2007. С. 349 (976).

⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1865. С. 443 (508).

активно взаимодействующие с внешней средой, рационально мыслящие и ощущающие границы культуры); 3) «классические неопиты» (сознательно пришедшие к выбору этой конфессии в результате мучительных раздумий, полностью поглощенные религиозной жизнью и для которых религия становится остролихорадочным состоянием, они активно делятся с каждым своими соображениями, не знают и не чувствуют границ избранной культуры, стремятся исправить все, вплоть до догматики, за что нередко становятся изгоями среди единоверцев) [Дутчак 2004, с. 213–215]. Последняя группа, выделенная Дутчак и названная «классическими неопитами», представляет для нас наибольший исследовательский интерес. Стоит отметить, что в старообрядческой среде зачастую под словом «неопит» подразумевается именно такой член сообщества, который по классификации Дутчак попадает в группу «классических». Большая часть наших информантов также подразумевали негативное значение данного термина, вопросы на тему неопитства вызывали эмоциональный отклик. Так, например, Р. (муж., 42 г., белокриницкое согласие), пришедший к вере сознательно, говорит, что он никогда не являлся неопитом, так как «неопитство – это особое состояние. Это не просто тот, кто вчера пришел, а тот, кто еще и загоняет свою идеологию, всех учит». Информант Н. (муж., 53 г.), белокриницкий священнослужитель, также указывает на излишнюю активность недавно перешедших в старообрядчество: «Ревность проявляется в излишней придирчивости к незнакомым и новым людям. Причем очень часто это делают те, кто и сам не так давно был новопришедшим. Проявляется ревность в требованиях к наличию кафтана, сарафана, лестовки и т. д.». Термину «неопит» он дает следующее определение: «Новообращенный, сроки не определенные, зависит от дальнейшего поведения человека». Таким образом, получается, что и потомственный старообрядческий священник наделяет понятие неопитства негативным смыслом. Из его трактовки следует, что в статусе неопита можно остаться на всю жизнь, если не соблюдать определенные правила поведения в старообрядческом сообществе. Подтверждение вышесказанному можно увидеть в обсуждениях на интернет-форумах, пользовавшихся наибольшей популярностью в нулевые годы⁶.

Тем не менее такое отношение к прозелитам наблюдается в старообрядческой среде не повсеместно. Информант А. (муж., 50 л., белокр. согл.), потомственный старовер-липованин из Румынии,

⁶ См. материалы старообрядческого форума: <http://drevlepravoslavie.forum24.ru/?1-4-0-00003479-000-0-0-1539425821> (дата обращения 1 мая 2024).

рассказывает, что в местной среде неофитов воспринимают достаточно позитивно: «Нормально... проблем нету... перешли... хорошо... Раз живут среди липован... значит нашими стали...» Вероятно, более радужное отношение к непотомственным старообрядцам обуславливается чувством оторванности данного сообщества от исторической родины. Перешедшие в старообрядчество воспринимаются как потенциальные новые члены немногочисленной диаспоры Русского Зарубежья, имеющей тесную групповую сплоченность. Перешедшие, в основном ввиду брачных связей, в Румынскую Православную Церковь или другие христианские конфессии, по словам нашего информанта, до конца жизни продолжают идентифицировать себя как принадлежащих к этноконфессиональной группе липован.

По причине отсутствия в РФ официальной государственной религии гражданин имеет право выбрать вероисповедание, исходя из собственных наклонностей и предпочтений. Такому процессу, происходящему в российском обществе, О.И. Индуцкая и В.В. Кардашевский дали название «самопрозелитизм социальных субъектов» [Индуцкая, Кардашевский 2009, с. 264]. Исходя из «новой теории» в рамках рыночной модели религии, предложенной Старком, Финке и др., следует, что конфессии активно предлагают себя, акцентируя внимание потенциальных потребителей на определенных вещах и рассчитывая привлечь подходящие категории граждан [Руткевич 2013, с. 223]. Будущий прозелит обладает свободой выбора, а религиозные деноминации конкурируют друг с другом за него. В частности старообрядчество, в основном, имеет конкуренцию за неофитов с РПЦ, приверженцами которой являлись наши информанты. Одними из основных причин перехода в РПСЦ они называют элитарную и интеллектуальную составляющие, а также более чистый и высокодуховный, по их мнению, моральный облик служителей культа. Так, например, А. (муж., 54 г., белокр. согл.) рассказывает: «Отдельно надо сказать, что во времена митрополита Андриана очень сильно поменялось отношение ко всякого рода архаизации, в том числе внешней, акцент переместился на внутреннее духовное возрождение, и постепенно сторонники лаптей, азымов и стрижки под горшок оказались в меньшинстве. Но самое главное – возник престиж образованности в старообрядческой среде. Очень большое значение имел философско-просветительский кружок вокруг А. В. Антонова. Мы могли обсуждать Канта, Гуссерля, братьев Денисовых, Окружное послание и др. вопросы. Поэтому в интеллектуальном смысле я каждый день только радовался, что ушел из РПЦ». Следуя «новой теории» рыночной концепции религии, также стоит упомянуть ценность эксклюзивности потребляемого товара, и как следствие, большую ресурсозатратность членов

сообщества. В отличие от adeptов РПЦ, где все устроено в некотором роде более примитивно и лояльно, от потенциальных последователей старообрядчества требуется большая строгость и чистота в соблюдении предписаний, но в итоге они получают более лимитированный товар.

Процесс виртуализации старообрядчества происходит в основном благодаря новым приверженцам религиозного сообщества, которые «чрезвычайно чувствительны к информационному облику староверия» [Товбин 2013, с. 23]. Особого внимания заслуживает саморепрезентация неофитов, в том числе в медиапространстве. Самый юный из информантов А. (муж., 21 г., поморское согл.) является активным пользователем соцсетей, где он старается всячески подчеркнуть свою религиозную принадлежность. Большое количество фотографий в традиционной одежде, а также из достопримечательных для старообрядцев мест, посты с церковной тематикой и т. д. – весь этот цифровой набор весьма характерен для медиаобраза старообрядческого прозелита, недавно перешедшего и еще полного восторга своим новым статусом. В реальности такие новообращенные также подчеркивают свою религиозную принадлежность внешне (соответствующая одежда, борода у мужчин, платок у женщин, в том числе вне церкви, и проч.) и поведенческим образом (разговоры на определенные темы, использование старинных лексем в речи, строгое и демонстративное соблюдение старообрядческой этики, в некоторых случаях использование отдельной посуды в заведениях общепита и т. д.). Вероятно, таким образом прозелитами демонстрируется инаковость мышления и образа жизни, отличная от «внешних» членов социума.

Старообрядческие деноминации, которые не пользуются большим спросом среди прозелитов, менее подвержены виртуализации и более консервативны [Товбин 2013, с. 20]. Желание спорить о вере, рьяно отстаивать свою точку зрения – также яркие черты старообрядческих «неофитов», что часто подмечают остальные последователи старой веры. Поскольку многие из них являются еще недавними adeptами РПЦ, они всячески стремятся оправдать свой переход в старообрядчество, делая подчас весьма эмоциональные оценки своего предыдущего религиозного выбора. В психологии для данного явления даже существует специальный термин, именуемый «синдромом неофита», где приверженность к определенной религии сравнивается с любовными отношениями и, соответственно, бывшая религиозная идентичность, по аналогии, всячески критикуется. В Интернете можно встретить немало обличительных статей, написанных перешедшими из РПЦ МП в старообрядчество, где описываются многочисленные моральные пороки

церкви («лавочничество», «симония» и т. п.), к которой некогда они принадлежали [Товбин 2014, с. 358].

Нередко перешедшие в старообрядчество одним из основных первоисточников интереса к старой вере называют литературные произведения. Например, известный писатель, историк-религиовед Д.А. Урушев пишет: «Мое пришествие к Богу началось весной 1995 г., когда, по совету мамы, я прочитал романы «В лесах» и «На горах» П. И. Мельникова. <...> В то же время я открыл для себя творчество писателя Ю.П. Казакова и был очарован его рассказами и Русским Севером» [Урушев 2024, с. 8–9]. О большом влиянии романов П.И. Мельникова на прозелитов говорил и наш информант Г. (муж., ок. 50 л., белокр. согл.), также добавляя в этот перечень «Житие протопопа Аввакума», «Историю Русской Церкви» Н.М. Никольского, а с нулевых годов Интернет, где особенно популярным среди прозелитов был портал «Старая вера». Неудивительно, что среди наших информантов именно литература зачастую вдохновляла переходящих в старообрядчество, так как значительная часть из них воспитывались в интеллигентной среде, имеют высшее образование и нередко причастны к научной деятельности. В 1990-е и 2000-е гг. старообрядчество становится модным направлением в определенных кругах, которые можно отнести к интеллектуальной и творческой элите. Нередки в такой среде случаи «возврата к вере отцов», как называет это Е.Е. Дутчак, когда люди, воспитывавшиеся в нерелигиозных семьях, вспоминают о предках-старообрядцах и переходят в старую веру. Именно таких прозелитов Дутчак относит к категории «потенциальных неофитов» [Дутчак 2004, с. 214–215]. Среди наших информантов два человека упоминали о дальних предках-старообрядцах. А. (муж., 54 г., белокр. согл.) рассказывает: «По материнской линии происхожу из нижегородских старообрядцев, то есть мои предки жили буквально в нескольких верстах от предков митрополита Алимпия, например. И в лесах, и на горах – это про них. Поэтому абсолютно никаких проблем с коренными старообрядцами у меня не было, поскольку я отчасти сам такой. Другой вопрос, что есть семьи, в которых эта традиция жила и продолжалась. В моей семье это было не так». Г. (муж., ок. 50 л., белокр. согл.), отвечая на вопрос, почему решил перейти в старообрядчество, в первую очередь вспоминает о предках: «Мои предки по отцовской линии происходили из с. Кимры издревле населенного старообрядцами, главным образом, филипповцами, <...> И хотя мои родители были людьми не религиозными, более дальняя история предков предопределила мировоззренческий и религиозный выбор. Вообще, “истинно” коренными можно назвать староверов, которые получили религиозные представления и воспитание

в своей семье. Всех остальных можно смело отнести к категории неофитов, даже тех, кто был в детстве крещен, но пришел к религии уже в зрелом возрасте. Не говоря уже о тех, кто, вспомнив о своем происхождении, крестился в старости».

Наличие активных неофитов в современной старообрядческой среде привело к попыткам дать им определение в среде РПЦ. Например, патриарх Кирилл (Гундяев) впервые использовал термин «младостарообрядчество» [Товбин 2014, с. 393]. Основная его суть сводится к тому, что преобладающее большинство современных старообрядцев якобы являются прозелитами, перешедшими в старую веру в 1990-е гг. и получившими основное представление об этой религии из книг. Объясняется это недавним советским прошлым, вытеснявшим религиозную жизнь, и в таких условиях главным арбитром, определяющим адекватность собственных интеллектуальных построений традиции, выступает сознание самого современного верующего [Товбин 2014, с. 393].

Стоит отметить, что потомственные старообрядцы далеко не всегда демонстрируют лояльное отношение к недавно перешедшим в старообрядчество. Информантка К. (жен., 31 г., помор. согл.) рассказывает: «Клановость, конечно, проблема повсеместная и неоспоримая. <...> Ко мне в Москве относились достаточно грубо и местами надменно, иногда ловила на себе взгляды такие, будто я по сравнению с потомственными, недочеловек, просто за то, что у меня нет с ними именно родственной связи». Вполне возможно, что такое отношение может являться следствием часто излишней экзальтированности прозелитов, а также некоторой старообрядческой закрытости, мнительности и настороженности по отношению к новым людям и явлениям, исторически сформировавшейся ввиду многих преследований и гонений.

Разделение на «коренных» и «некоренных» также рельефно проступает среди старообрядческих священнослужителей. Представители известных клерикальных семейств гораздо более привилегированы, чем другие члены общины. На это указывает информант Г. (муж., ок. 50 л., белокр. согл.): «Гораздо большее разделение происходит по линии церковной “аристократии”, а именно представителей видных поповских кланов. Здесь кастовая стратификация играет более существенную роль. Представители церковной аристократии получают существенно больше преференций в церковной карьере, к их проступкам куда более снисходительны по сравнению с любыми остальными членами согласия, даже коренными с какой угодно древней родословной и заслугами, но не принадлежащих к клерикальным фамилиям». В книге И. Шевнина, посвященной памяти о. Александра Шестакова, приводится интервью автора с о. Александром, где также поднимается тема более

комфортных условий жизни и работы для «коренных» священнослужителей: «*о. Александр*: А они потому что коренные. Они приезжают с одного места, смотрят, что-то нетрадиционно, такого не может быть, да. Это не так, это не так, там. <...> Они же коренные. Они всё знают, они уже пришли на готовые храмы, где только оставалось немножечко потрудиться, там благословить, там что-нибудь доделать, там слегка поднять что-нибудь и всё. И остальная работа у них только служить. А чтобы вот так вот, в цейтноте поставить церковь, или, а тем более, если нет народа, который умеет петь, знание пения имеет или грамотно читать не может никто, то вообще тогда дискутировать нечего»⁷.

Как мы отметили в исследовании, степень лояльности отношения «потомственных» к «неофитам» неоднородна и колеблется в зависимости от региона и деноминации, на что влияет множество различных факторов. Особо негативные коннотации «неофитства» приписываются наиболее экзальтированным новокрещеным, которые по причине своей радикальности не всегда вписываются в среду и нередко несколько раз сменяют деноминации и даже конфессии. Основной медиаобраз современного старообрядчества формируется также именно прозелитами, которые являются наиболее активными пользователями Интернета и в большей степени способствуют процессу виртуализации старообрядчества.

Благодарности

Данное исследование осуществлялось при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 24-28-01870 «Современные формы медиатизации и саморепрезентации старообрядческих общин в контексте постсекулярной культуры: между традицией и традиционализмом» (2024–2025 гг.).

Acknowledgements

This study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project No. 24-28-01870 “Modern forms of mediatization and self-representation of Old Believer communities in the context of post-secular culture: between tradition and traditionalism” (2024–2025).

⁷ *Шевнин И.* Помяни Господи...: Светлой памяти священноиерея Александра Шестакова (1967–2008) посвящается. Хабаровск, 2017. С. 11 (64).

Литература

- Дутчак 2004 – Дутчак Е.Е. Неофит в пространстве традиционалистской культуры (к вопросу об использовании теории референтных групп в исследованиях локальных конфессиональных сообществ). URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000328756> (дата обращения 1 мая 2024).
- Индуцкая, Кардашевский 2009 – Индуцкая О.И., Кардашевский В.В. К вопросу о духовном плюрализме современного российского общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2009. № 1. С. 261–266.
- Руткевич 2013 – Руткевич Е.Д. «Новая парадигма» в социологии религии: Pro et Contra // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 207–233.
- Товбин 2013 – Товбин К.М. Становление пострелигии в русском старообрядчестве: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2013. 27 с.
- Товбин 2014 – Товбин К.М. Пострелигия и ее становление в русском старообрядчестве. М., 2014. 478 с.
- Урушев 2024 – Урушев Д. А. Что такое старообрядчество? М., 2024. 188 с.

References

- Dutchak, E.E. (2004), *Neophyte in the space of traditionalist culture (on the issue of using the theory of reference groups in the study of local religious communities)*, available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000328756> (Accessed 1 May 2024). Indutskaya, O.I. and Kardashevsky, V.V. (2009), "On the issue of spiritual pluralism of modern Russian society", *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*, no. 1, pp. 261–266.
- Rutkevitch, E.D (2013), " 'New paradigm' in the sociology of religion: Pro et Contra", *Bulletin of the Institute of sociology*, no. 6, pp. 207–233.
- Tovbin, K.M. (2013), *Stanozenie postreligii v russkom starobryadchestve* [The formation of post-religion in the Russian Old Believers], Abstract of D. Sc. dissertation (Philosophy), Moscow, Russia.
- Tovbin, K.M. (2014), *Postreligiya i yeye stanovleniye v russkom starobryadchestve* [Post-religion and its formation in the Russian Old Believers], Moscow, Russia.
- Urushev, D.A. (2024), *Chto takoe starobryadchestvo?* [What is Old Believers?], Moscow, Russia.

Информация об авторе:

Александра А. Бойцова, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41;

Музеи Московского Кремля, Москва, Россия; 103132, Россия, Москва, Кремль, alexkopchonyy@gmail.com

Information about the author:

Aleksandra A. Boitsova, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; 41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, Russia, 173003;

Moscow Kremlin Museums, Moscow, Russia; 103132, Russia, Moscow, Kremlin, alexkopchonyy@gmail.com